

***Мацяускас (Каспирович) Рива Рафаиловна.
Участник проекта "Я из прошлого протягиваю мост... "***

В прошлом учитель начальных классов, за тем воспитатель-методист в детском саду. Сейчас волонтер в обществе бывших малолетних узников фашистских концлагерей и гетто.

МНЕ ПОВЕЗЛО!

I ЧАСТЬ

Да, мне повезло! Я осталась жива и дожила уже до 75 лет, побывав в этой страшной войне 1941-1945 г. 1941 год. Мне 4 года, я нахожусь у бабушки Марыли, в деревне Конюхово Витебской области Белоруссии. Как же я там оказалась?

Я родилась в Ленинграде в июне 1937 года. Моей маме Зосе 18 лет, отцу 21 год. Любовь польской девочки (моей мамы) и еврейского мальчика (моего отца) не была одобрена родителями отца.

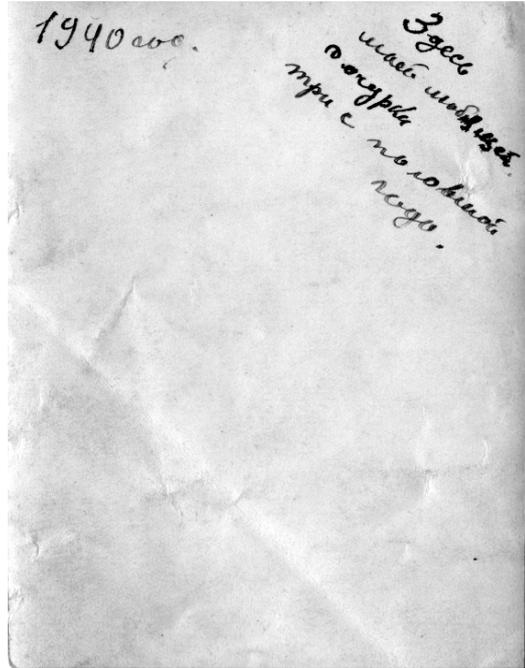
Молодые мои родители снимают комнату в пригороде Ленинграда, в поселке Сиверский. Этот поселок упоминает отец в своем письме в блокадный город моей маме:

12.2.44

Здравствуй дорогой Зоя!
Вчера получил от тебя письмо
за которое тебе очень благодарен
что ты меня не забывал.
Мне же я постараюсь работать все
ташнее. Надеюсь быть в Северской
дом в котором ты жила вместе
стел и попробуй поработать там
большая масса еженедельно
маленькая же все время продолжаю
бегать без остановки.
Дорогая что слышно у тебя
нового как ты живешь и
как здоровье. В среду наверно
буду в городе постараюсь вечером
заскани тогда поговорим обо
всем. Больше пиши.
Твой как раньше
Будь здорова. Целую крепко
Роня

Брак моими родителями не был заключен, поэтому в метриках я записана как Каспирович Рива Рафаиловна.

В конце 1940 года за мной приезжает бабушка Марыля. Мы фотографируемся в Екатерининском саду на фоне Елисейевского магазина.

А летом за мной должна была приехать мама Зося. Но как мы сейчас понимаем, этого уже не могло случиться.

Мои родители остались в блокадном Ленинграде. Отец работал водителем на Дороге жизни, мама работала на военном предприятии, принимала участие в обороне Ленинграда. Но, вообще, она была золотошвейкой, редкая специальность для сегодняшнего времени, да и тогда тоже. Вышивала знаки различия военным командного состава (золотой нитью – канитель).

1938, 23⁰⁰ сентября
Возраст 1 год и 4 месяца

рисунок было 2 годика 4 месяца
фотографировано мамой 18 октября 1939

Итак. Зимой меня привезли в Конюхово, а летом 1941 года мы оказались на оккупированной территории.

2 года я находилась в оккупации. И не в кино, а наяву к нам в хату приходили немцы и полицаи (кто согласился служить фашистам) спрашивали: «Матка, дай яйцо, млеко». Всё отдавали, пока было хозяйство. Время шло, фашисты зверели, т.к. началось партизанское противодействие.

В деревне Конюхово жила сестра моей бабушки Михалина, 1907 года рождения.

Муж Михалины ушел в партизаны, а двое сыновей-подростков были с ней в деревне.

В возрасте сорока лет в 1942 году умирает моя бабушка Марыля. А вскоре одного сына Михалины убивает полицай, а другой (имя которого я запомнила – Константин) подрывается на гранате. Похороны моей бабушки я хорошо помню. Это было зимой, как я пятилетняя шла за гробом бабушки.

Что теперь получилось? У меня никого, у двоюродной бабушки Михалины тоже никого. Мы остались вдвоем.

К 1943 году начали сжигать дома в деревне, убивать скотину. Помню, как мы с Михалиной закапывали в огороде самые, видимо, дорогие и ценные вещи. Дом наш тоже сгорел. Ночевали в лесу. И мне за каждой елкой чудилось, что стоит немец. Вскоре нас, видимо, изловили и отправили в Минск. Там формировались какие-то бригады.

Вот этими бригадами нас посадили в вагоны для перевозки скота и повезли, как оказалось в Аушвиц - Освенцим.

На фотографиях где мне 1 год 4мес. и 2 года 4 месяца написано имя Рива. А вот в деревне, видимо, чтобы спасти и не навлечь беды, меня зовут Рита. Так я потом прохожу во всех немецких документах как Каспирович Рита. А что? Фамилия польская, имя интернациональное, а отчество никто не спрашивал. Все подлинные документы остались в Ленинграде, никто же раньше по документам не ездил. И вот здесь мне повезло, что мои родители не расписались, и я не получила еврейскую фамилию Орман.

Меня всегда хвалила Михалина, которую я стала называть мамой, хотя и помнила, что моя мама Зося. Но мне эта двойственность не мешала. Видимо, ребенку всегда надо кого-то называть мамой. Так вот, Михалина хвалила меня, что, несмотря на голод, я не плакала и не просила есть. Принимала все смиренно.

В вагонах-телятниках ехали долго. Ничем никого не кормили и не поили. На стоянках отодвигали тяжелые двери и выходили те, кто мог выйти, а кто умер в дороге – выносили и оставляли. Состав двигался дальше...

Когда прибыли на место, как теперь понимаем, это был Освенцим, то всех заставили раздеться догола. Это происходило в громадном сарае. Были ведь только женщины и дети. Сказали, что будем принимать душ. Начался страшный крик, вой, паника. Успокаивали надзирательницы плётками, окриком. Предупредили, чтобы все, у кого есть драгоценности, украшения, голыми подходили к столу, где сидели другие надзирательницы. Осматривали каждую женщину из прибывших во всех местах и во

рту тоже. Чтобы, не дай бог, кто-то что-то утаил. За неповиновение били. Когда большую часть несчастных осмотрели, то направили в какой-то бункер. Он изнутри был коричневым. Закрыли дверь и пол стал наклоняться. Все закричали ещё сильнее, но тут распахивается дверь, вбегает надзирательница и заставляет всех выйти. Оказывается, перепутали вагоны. В нашем эшелоне были вагоны с евреями. Это им была уготовлена такая смерть. А я была в вагоне с белорусскими женщинами.

После этого нам стали набивать-накалывать номера. На левом предплечье. Одна фрау-надзирательница держала руку, а другая ручкой и пером изображала цифры точками. Мне было уже шесть лет, но такую боль я не смогла выдержать. Потеряла сознание. Но всё было отлажено и в чувство привели быстро. Я получила номер 70013, а моя Михалина – 70014.

Этот номер у меня и сейчас на руке. Но так как я росла, то цифры получились растянутые, бледные.

Когда я была девушкой молодые люди спрашивали, что это за цифры. Не в тюрьме ли я сидела. Я говорила, что это номер полевой почты моего знакомого солдата. Никто бы не понял, что номер мне накололи в концлагере.

После того как нам присвоили номера, нас поселили в барак. В бараке двухъярусные настилы деревянные, разделенные поперек на клетушки по 2 метра. Это наши спальные места. Разогнуться во весь рост невозможно, всё время все сгорбленны, скрюченны. Посередине барака длинная печь во всю длину барака. Садиться на неё или греться около запрещалось.

Взрослых женщин отправляли на работу, а дети в запертом бараке находились одни. Но теперь, каждое утро перед уходом взрослых на работу, и каждый вечер, когда взрослые возвращались с работы, все должны стоять на плацу с открытой, согнутой в локтевом суставе руке, чтобы виден был номер. Так проверяли, все ли вышли на работу, все ли вернулись. Если кого-то не досчитывались, то стояли мы несколько часов, пока что-то не менялось.

На этом же плацу происходили устрашающие наказания. Там и били и вешали, и травили собаками за всякие провинности. Некоторые не выдерживали этих потрясений, бросались на колючую проволоку, которой был огорожен лагерь, и тоже погибали. Кроме страха и ужаса в душе у меня, да и у многих, я думаю, ничего не было. Поднимать голову было запрещено. И в моем детском сознании отразилось, что бараки были без окон. Но только когда я с экскурсией в 2005 году побывала в Освенциме, в бараке, я подняла глаза и увидела, что окна вытянутые в ширину есть высоко к потолку. Узнала и печь длинную и громадные двери, которые закрывала дежурная по бараку.

Вспомнила, что, когда раздавали похлебку, фрау-надзирательницы зачитывали список по алфавиту. Я выучила почти без ошибок этот список. И фрау-надзирательницы ради забавы ставили меня на табурет, и я по памяти называла, кому положен паёк. За это мне давали кусочек сахара.

Кормили нас баландой, сваренной из очисток овощей. До сих пор я не могу переносить этот запах и не люблю вареные овощи.

В концлагере я провела 13 месяцев. Из них 2 раза была зима. Сколько помню, мы все стоим на плацу в снеговой жиже, а ноги мерзнут:

5 декабря 1943 года

Январь 1944

Февраль 1944

Декабрь 1944

Январь 1945 года.

27 января 1945 года нас освободили. Документ есть. Но до этого нас отделили от взрослых, и мы находились в бараках, где были одни дети. Нас начинали учить немецкому языку. До сих пор не могу понять, для чего всё это было?

Да, я забыла упомянуть, что когда мы стояли у барачков, мимо проезжали открытые грузовые машины с людьми. И взрослые говорили: «Повезли евреев

сжигать». Я слышала это своими ушами и хорошо помню. Слово крематорий никто, я думаю, не знал. А я не могла и предположить, что в кузове машины могла оказаться я. Мне повезло!!!

После освобождения нас только детей в санитарных вагонах отправили в Россию. Я попала в спец детдом №13 г. Киева, где находились дети-сироты.

КАК МНЕ ОПЯТЬ ПОВЕЗЛО!

II ЧАСТЬ

1945, 1946, 1947 год. Я в детском доме. Мне 8, 9, 10 лет. Нужно оформлять документы-метрики, нужно отчество. Стали спрашивать у меня. Как звали моего отца – не помню. Видела редко имя Рафаил, а мама называла Фолька. Ну, не отложилось это имя в моей памяти, тем более, что рассталась со всеми в 3,5 года. Тогда стали спрашивать, какие около меня были мужчины. Я не нашла ничего лучшего, чем имя Костя. Это один из сыновей Михалины, моей двоюродной бабушки. Он погиб, он был подростком, но для меня мужчина. Поэтому и появилась справка, что я Каспирович Рита Константиновна.

Мама Зося, которая находилась с отцом в блокадном Ленинграде, не могла знать о моем переименовании. Она пыталась меня найти, куда-то писала, но везде ответ был отрицательным.

Мою дорогую Михалину репатриировали в 1946 году. Она обосновалась в г. Полоцке, т.к. своего у нее ничего не осталось. Связь с моей мамой они наладили. Но Михалина ничего не могла сказать обо мне, нас ведь разлучили со взрослыми и больше мы не виделись.

У Михалины не было документов и медицинская комиссия определила возраст на 25 лет старше. Вот так она выглядела после лагеря. В 1946 ей было 39, а определили как 65 лет.

Тем временем у нас в детском доме начинают потихоньку разбирать и находить детей. В д/доме 300 чел.

Сначала взяли домой всех цыганят. Там не разбирали свой-чужой, раз цыган, значит берем, он наш.

Затем стали забирать детей, родители которых жили в Белоруссии. У меня надежды, чтобы меня нашла мама, не было.

Но вот в январе 1948 года приходит письмо в детский дом. Нет ли у вас такой девочки Каспирович Риты? Оказывается, после войны было много очередей везде и за всем. Еще свежи в памяти людей переживания о войне.

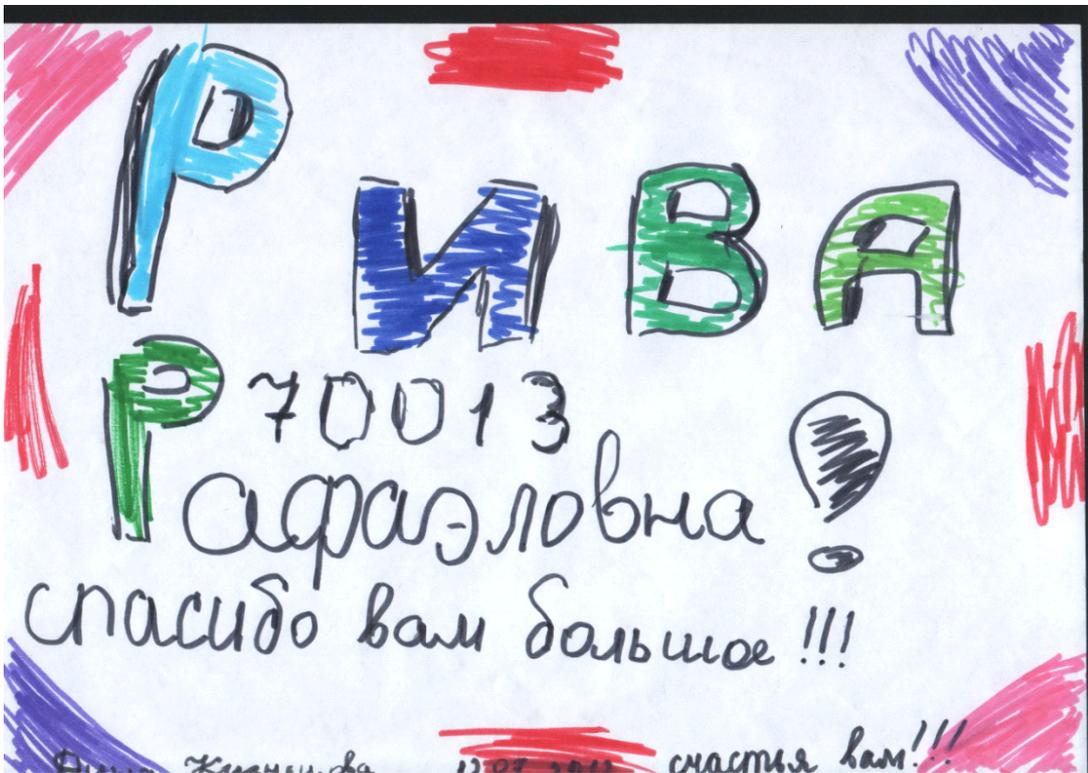
И вот и моя Михалина в Полоцке разговорилась, в очереди с одной женщиной, что у неё пропала внучатая племянница. А около этой женщины верталась девочка лет 10. Видимо, Михалина упомянула моё имя, т.к. девчушка вдруг говорит: «А у нас в детском доме была Рита Каспирович». Конечно, Михалина срочно написала Зоське, моей маме, а она сделала запрос.

Так в мае 1948 года я вернулась в Ленинград, после семилетней разлуки. Мне повезло!!!

В конце восьмидесятых годов стали образовываться различные общества. Появилось и общество бывших малолетних узников.

Организаторы, руководители налаживают связь с молодежью, с детьми, чтобы они не забывали прошлого, не допустили ужасов войны.

Я часто встречаюсь с детьми, рассказываю о себе, показываю фото и документы. Равнодушных не бывает. В ответ я прошу нарисовать, что им особенно запомнилось из моего рассказа. И чаще всего рисуют имя Рива. А один мальчик нарисовал раскрытый товарный вагон и фигурки детей и взрослых в проеме. Еще дети своими руками делают какие-то поделки и дарят мне.

Вот и летом мы опять встретимся с ребятами, будем говорить о войне, о Холокосте.

Связь времен есть и мне опять повезло!

11.03.2013-19.04.2013